Принудить Клузия (П. И. Голенищев-Кутузов, — *Ю. Л.*) жить
в мире с Аполлоном,[31]
Не ставить на подряд во все журналы од
И древних уж не сметь перелагать вперед.
Возможно ль запретить, чтоб Лакриманс (Шаликов, — *Ю. Л.*),
унылый,
Своею нежностью всем дамам опостылый,
Напутав кое-как и прозы и стихов,
Не отдал их в печать и не был бы готов
Оплакать всякий куст, все тропки, все гробницы?
Чтоб пропустил Салтон (Салтыков, — *Ю. Л.*) день ангела сестрицы,
Чтоб журналистов рой друг друга не хвалил,
И древний наш Услад (Херасков, — *Ю. Л.*) дев Пинда не дразнил?
Нельзя, зато и нам нельзя же не сердиться,
Вы пишете вздор; так как же не браниться?

Галинковский отрицательно относился, таким образом, и к Карамзину, Дмитриеву, Шаликову, и к Шишкову, Голенищеву-Кутузову, Салтыкову, Хераскову. Не случайно в письме редактору «Северного вестника» заключалась пессимистическая оценка всей современной русской литературы: «Теперь у нас везде говорят, что словесность возвысилась, распространилась. Не так много, как кажется».[32] Эта мысль, сближающая его с Андреем Тургеневым, была у Галинковского устойчивой.

Начиная издание «Корифея», он хотел бы «спросить у сынов России: от чего такой глубокий сон одолевает словесность нашу? От чего царствует сие постыдное молчание пера?».[33]

Одним из средств борьбы с этим молчанием Галинковский считал критику, долженствующую разоблачать ложные авторитеты и указать подлинные пути литературе. Такая критика мыслилась им как научная, теоретически обоснованная и противопоставлялась критике, исходящей из карамзинского критерия — вкуса «прекрасных читательниц».

Именно это противопоставление научности дилетантизму лежит в основе рецензии Галинковского на книги Г. Глинки и А. С. Кайсарова. Книга Г. Глинки «основана на воздухе, потому что она родилась как дочь Юпитерова... из воображения сочинителя». Книга Кайсарова «составлена из исторических справок, выбрана из лучших книг и поддержана свидетельством

мечал, что Рихтер «огорчил некоторых писателей, назвав их поименно (намек на упоминание имени редактора «Корифея» — *Ю. Л.*), в то время когда они сами не назвали себя пред публикою и остаются *анонимы*» («Северный вестник», 1805, ч. 6, стр. 302).

[31] Переводы П. И. Голенищева-Кутузова из Пиндара были резко осуждены Галинковским. Он иронически писал «о переводе Пиндара (неизвестно с какого языка), который выдают за классический».

[32] «Северный вестник», 1805, ч. VI, стр. 283.

[33] «Корифей», кн. I, стр. 15.